

ГОРЬКИЙ И БРЮСОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сообщение Александра Ильинского

«В субботу, кажется, мы виделись с Горьким в Большой Московской. Как всегда, он в рубаше. Усы мужицкие. Полунамеренная грубость речи. Обедали вместе.—«Только я в общую не пойду, глазеть будут. В самой этой нашей славе утопаем, как лягушки в болоте...»—так в конце сентября 1900 г. записал Брюсов в свой дневник первую встречу с Горьким¹.

Встреча состоялась в связи с замышленным издательством «Скорпион» альманахом, на участие в котором Горький дал своё согласие.

В эту пору Горький был уже окружен славой выдающегося русского писателя. Его произведения печатались и в «Русском Богатстве», и в «Русской Мысли», и в «Жизни», и в других толстых журналах. Имя его уже становилось популярным и за границей.

Имя же Брюсова было близко знакомо только весьма ограниченному кругу лиц, интересующихся новым направлением в русской поэзии—символизмом.

И вот они встретились: Горький—в ореоле славы уже признанного писателя; Брюсов—молодой поэт, которому суждено было стать в будущем «самым культурным писателем на Руси», как выразился однажды Горький².

«О вас давно слышан,—говорил Горький Брюсову.—Интересуюсь очень. Вот Иван Алексеевич [Бунин] читал. Прелесть...».

В беседе с Брюсовым Горький сказал, что он «завидует людям, знающим много языков».

—А я,—говорил Брюсов,—завидую людям, пережившим много. Больше всего завидую вам, Алексей Максимович.

Горький отнекивается.

—Можете ли вы прожить 20 лет среди книг и только книг?—спрашивает Брюсов.

—Нет, что вы. Этого нельзя. Я не могу.

—Да и я не могу, а вот прожил же.

«Зашла речь—я, конечно, завел ее—о разных тайнах нравственности,—пишет дальше в дневнике Брюсов.—Горький оживился и стал рассказывать: то волжские предания о Стеньке Разине, убившем монаха, которого просил за себя молиться, то белорусские сказки... я указал на свое «Сказание о разбойниках». Горький прочел его вслух»³.

И в беглой зарисовке Брюсова первой встречи его с Горьким уже чувствуются нити взаимного уважения и симпатии, которые связали их друг с другом и которые оставались неизменно крепкими на протяжении почти 25-летнего их знакомства.

1900 год ознаменовался в творческой жизни Брюсова двумя важными событиями: началом его постоянной редакторской работы в журнале «Русский Архив», издаваемом Петром Ивановичем Бартеневым⁴ и выходом в свет книги новых стихов поэта—«Tertia Vigilia»⁵.

Участие в «Русском Архиве» погружает Брюсова в исследовательские работы, результатом которых является ряд статей и заметок о Некрасове, Тютчеве, Баратынском, Пушкине. С появлением же «Tertia Vigilia» наступает заметный перелом в отношении к творчеству Брюсова, и эта книга была первой, обратившей внимание серьезной критики на ее автора.

В «Нижегородском Листке» от 14 ноября 1900 г. появляется фельетон Горького «Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова», где Горький разбирая сборник Брюсова «Tertia Vigilia»; пишет, что поэт, «некогда изруганный за сборник «Русские Символисты», штуку действительно смехотворную, в новом своем сборнике раскланивается с прошлым». Тем не менее, и в «Tertia Vigilia» Брюсов, по мнению Горького, все еще «является перед читателем в одеждах странных и эксцентричных, с настроением неуловимым и с явно искусственным пренебрежением к форме и красоте стиха».

Отмечая в общем претенциозность в стихах Брюсова, Горький выделяет из сборника «Сказание о разбойнике», которое находит очень значительным «как по содержанию, так и по исполнению», а также и стихотворение «На новый колокол»⁶.

В ответ на этот отзыв Горького Брюсов тогда же написал ему следующее письмо:

Уважаемый и дорогой нам

Алексей Максимович!

Читал Вашу статью о Бальмонте и мне.

Хотя Вы там не слишком меня жалуете, но, конечно, таково Ваше мнение; стало быть — спасибо. Вот только относительно сходства с Эредиа Вы не правы. И сам я своих стихов «о покойниках» не слишком долюблю, напечатал их больше для читателей, — но отличие их от сонетов Эредиа важное. У того все изображено со стороны, а у меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я». Право же дьявольская разница! — За статью Вашу, как вероятно уже знаете, дано Вам «Новостями Дня» первое предостережение.

Ждем Вас в Москву. Из Петербургских писателей в замышленном альманахе примет участие почти вся братия прежнего Сев. Вестника — З. Гиппиус, Минский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Фофанов, Мережковский... С иными из них спорил о Вас и, кажется, заставил их перечитать Ваши книжки.

Газеты последних дней только и говорят, что о Вас. Понимать ли сообщение Рус. Вед. в желанном для нас смысле?

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов⁷.

Москва. Цветной бульвар 24.

В это же время, описывая в дневнике свою поездку в Петербург и вечер у Бальмонта, где были Мережковские, Минцлова, Ясинский и др., Брюсов, между прочим, вспоминает:

«Зашла речь о Горьком. Мережковский бранил его жестоко. Я защищал и не без успеха...».

Письмо Брюсова к Горькому не осталось без ответа, и 26 ноября 1900 г. Горький писал ему из Нижнего-Новгорода:

«Что вы читали мою заметку о ваших стихах, мне — признаться, — это неприятно. Заметка — глупая, говоря по совести. А вы — лучше ваших стихов, — пока. Мне искренно хочется, чтоб было наоборот, ибо наоборот — выгоднее для искусства».

Прося Брюсова сообщить последний срок для альманаха, Горький дальше пишет:

«Я не договорил — вы производите чрезвычайно крепкое впечатление. Есть что-то в вас — уверенное, здоровое. Думаете я это как бы извиняюсь пред вами за отзыв о стихах? Нет, я хочу сказать, что представляя себе вас, ждал от стихов большего. Теперь — извините»⁸.

Через полтора месяца после этого письма, в ответ на просьбы Брюсова ускорить присылку рассказа для альманаха «Скорпиона», Горький сообщал, что «рассказа для альманаха еще не написал и не ведаю, когда напишет».

Политические выступления Горького с 1901 г. связаны для него с целой чередой мытарств и передраг. «Ряд событий неожиданных и очень нелепых совершенно выбил меня из колеи, — пишет он Брюсову 12 января 1901 г., — и я не только работать за это время, но не знаю даже, когда, наконец, приду в себя... До поста я не войду в колею, в пост уеду в Питер. Ваш первый альманах выйдет без меня. Искренно говорю — мне это обидно. Почему? А — извините за откровенность — потому, что вы в литературе — отверженные и ходить с вами мне приличествует...»⁹.

Брюсов был весьма огорчен, что в первом номере альманаха «Скорпиона» «Северные Цветы» не будет Горького, а издатель «Скорпиона», Поляков, прямо негодовал по этому поводу.

А что вы (парень) ни вытворяли и Горький в
Тбили. Моей Кате всегда, но в рубашке. Ум мушкетер.
Нашились ребята, которые ругали. Обидели Васю — "Пусто
и в обиду не войду, марты будут. А самый тот
нашей шайке утонет, как мушкетер в битву."
Горький, еще: "пора репутации нашу поправить
Надо же. И еще "Ура только про общественные
вещи не творите!"
Мне еще руку пожимая, прощай пришла книга
— в нее давно напечатана. Интервью с вами. М. А.
Читая. Прощай
И. А. Бруно и Н. Бартольд сами мне распростра-

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА О ВСТРЕЧЕ С ГОРЬКИМ

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

В феврале, через три недели после последнего письма, Горький снова писал Брюсову об отказе участвовать в альманахе: «Знаю, что делаю нечто непростительное, отказываясь от участия в Сев. Цветах и не могу даже просить извинения у вас, и не оправдываюсь... Настроение у меня как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если вас, сударь, интересуют не одни Ассаргадоновы надписи, да Клеопатры и прочие старые вещи, если вы любите человека — вы меня, надо думать, поймете...».

Негодующий тон всего письма Горького был результатом событий, происшедших в связи со студенческими выступлениями, носившими явно политический характер, и тех репрессивных мер, какие правительство уже предприняло против этих выступлений.

Министр народного просвещения Боголепов издал «временные правила» 29 июля 1900 г., на основании которых за учинение скопом беспорядков студенты карались исключением из университета и отдачей в солдаты, несмотря на на какие имеющиеся у таких студентов льготы по отбыванию воинской повинности.

В ответ на эти репрессии последовали новые протесты и новые бурные выступления студенчества.

А Горький в это время писал Брюсову:

«Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, и идиотская мера обожравшихся властью прохвостов.

У меня кипит сердце, и я бы был рад плюнуть им в нахальные рожи чело-веконенавистников, кои будут читать ваши Сев. Цветы и их похваливать, как и меня хвалят.

Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на все — на Цветы «Скорпиона» и даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю — как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо?»

И тут же, касаясь духовного облика Брюсова и его внутреннего содержания, Горький говорит ему:

«Вы мне страшно нравитесь, я не знаю вас, но в лице вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера.

Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека, вот что...»¹⁰.

На это, исполненное негодования и скорби, письмо Горького Брюсов отвечал ему:

Февраль 1901. Горькому

Хочу Вам написать откровенно, чтоб Вам перестать нравиться. Именно о студентах. Меня никогда эти внешности, эти мгновенности не волнуют. Почему мне волноваться из-за студентов? Разве это, именно то же, не бывало уже тысячи тысяч раз в прошлом и при Ассаргадонах и при Петрах. Было. И те были люди. Какая разница прежде и теперь. Для меня никакой. — Вы скажете, когда умирает близкий, больно. — Мне нет, лишь поскольку теряю я сам, а то в смерти я вижу лишь Смерть. Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты о днях, когда все это будет сокрушено.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг!

Мне не мешает это проводить дни в библиотеке, вечера в ресторанах — как знание Коперникова открытия не мешает видеть восходы и заходы, а Кантовские откровения не мешают мне знать, что далеко, что близко, что прошло, а что лишь будет. Но я не считаю себя вне борьбы. Разве мои стихи, мои стихи, дробящие размеры и заветы, не нанесли ни одного удара тому целому, которое и сильно своей цельностью. И если можно будет, о, как весело возьмусь я за молот, чтобы громить хоть свой собственный дом, буду жечь и свои книги. Да. Но не буду браться за молот лишь затем, чтобы мне разбили им голову. Для этого я слишком многих презираю.

Но будущее есть и у меня и у мира.

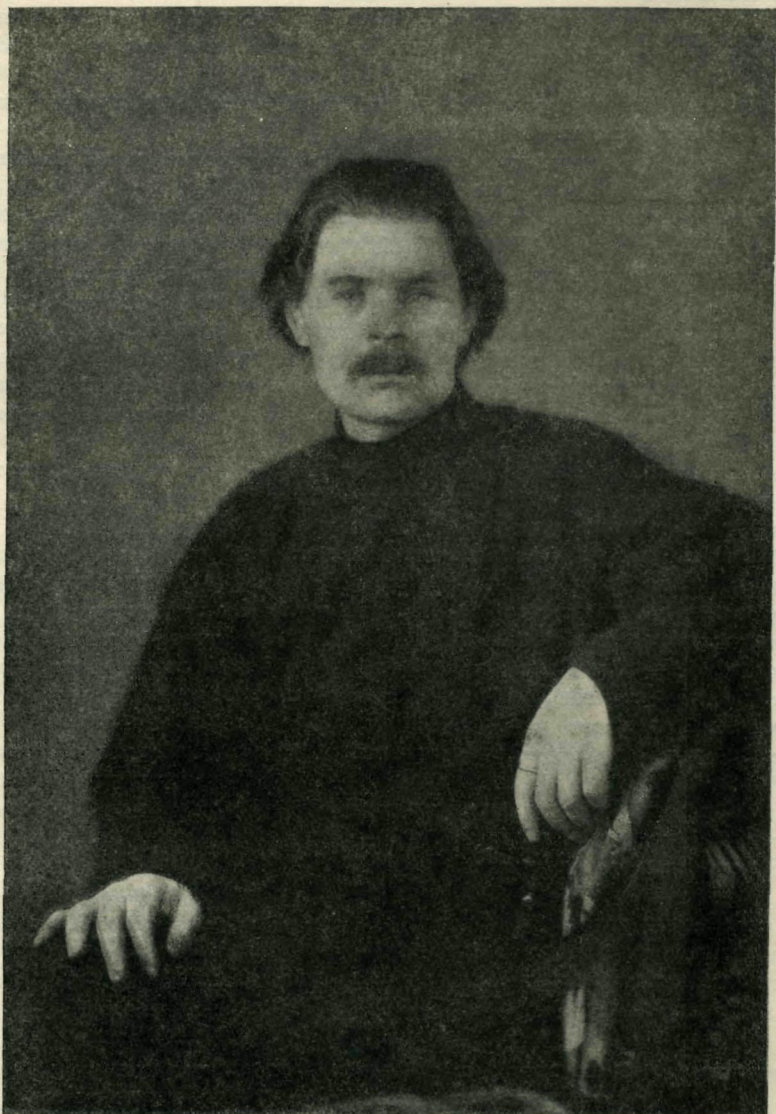
Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, простор! о, высота степей!

Ваш вполне В. Брюсов.

А с С[еверными] Цв[етами], не дав ни странички, все ж Вы поступили дурно¹¹.

В марте 1901 г. Горький участвует в демонстрации в Петербурге у Казан-

ского собора; в апреле, в журнале «Жизнь», появляется его «Песня о буреви́стнике», и тогда же Горький, подписавший протест Союза писателей против избивания студентов, был арестован в Н.Новгороде по обвинению в приобретении мимеографа для издания «преступных воззваний к сормовским рабочим в видах

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
Фотография 1888 г.
Частное собрание, Москва

подстрекательства их к беспорядкам»¹². В том же апреле вышел первый номер альманаха «Северные Цветы», в котором Горький не принял участия.

В этом, 1901, году заканчивается первый период литературного общения между Брюсовым и Горьким.

Время от времени Брюсов вспоминает о Горьком то в дневниках, то в своих письмах, но непосредственная эпистолярная связь прерывается до 1908 г., когда

Брюсов, во время своего путешествия в Италию, был на Капри, но случайно не свиделся с Горьким.

«Мы в это время были проездом в Неаполе,—вспоминает Иоанна Матвеевна Брюсова, жена Валерия Яковлевича,—и решили в один из дней нашего пребывания там съездить к Горькому на Капри.

Утром кто-то зашел к Валерию Яковлевичу, задержал его, и, замешкавшись в гостинице, мы на пристани не застали того пароходика, на котором рассчитывали ехать на Капри.

Пароходики отправлялись туда не слишком часто, и нам довольно долго пришлось ожидать отправления следующего.

У Валерия Яковлевича сразу испортилось настроение, и он сделался, как говорится, не в духе. Но все же мы поехали.

Путешествие по морю немного рассеяло дурное настроение Брюсова, но неудача ожидала нас и на Капри. Это был смешной, почти что анекдотический случай: с пристани нас в лифте подняли куда-то наверх, и, когда, выйдя из кабинки лифта, мы были уже наверху, я, не знаю как и почему, увлекаемая вихрем суетящейся и куда-то бегущей публики, буквально через мгновение, очутилась с толпой в другом лифте, который, как казалось мне, должен был поднять нас еще выше. Валерий Яковлевич невольно вбежал за мною в кабинку, дверь затворилась, и, к моему удивлению, мы, вместо того, чтобы подыматься вверх, стали спускаться вниз.

Брюсов пришел в негодование и, несмотря на то, что подняться вновь было делом одной минуты, вновь подыматься уже не захотел.

Мы наняли извозчика и поехали к Горькому.

Забравшись на крутой берег, мы ехали дорогой среди желтеющих полей. Валерий Яковлевич завел беседу с извозчиком—говорили они по-итальянски—при чем, оказалось, извозчик очень хорошо знал Горького, часто возил к нему приезжих, рассказал, как много людей бывает у Горького—сегодня тоже много гостей приехало,—и, вообще, он поделился откровенно всеми своими впечатлениями «об этом—как говорил он—очень большом, знатном и, вероятно, очень знающем людей человеке».

Однако, уже приближался вечер, оставалось совсем немного времени до выхода последнего парохода на Неаполь. Ехать к Горькому, чтобы только поздороваться с ним, Брюсову казалось неудобно. Остаться у Горького ночевать—там и без нас много народа было—Брюсов ни за что не хотел, да и мое присутствие весьма стесняло эту ночевку,—Брюсов считал это просто неделикатным.

И, к великому изумлению извозчика, почти доехав до дома Горького, Валерий Яковлевич велел повернуть обратно, и через час мы плыли уже в Неаполь. На другой день Брюсов отправил Горькому письмо, с извинением, что не смог к нему заехать...¹³.

«Грустно, что вы не зашли ко мне,—писал по этому поводу Брюсову Горький,—вы встретили бы у меня людей, которые и знают, и ценят вас...

...Завтра иду на юг Италии пешком, возьму с собою вторую книгу ваших «Путей» и «Нечаянную радость» Блока. Люблю читать стихи в дороге...

...Сердечный привет, искренние пожелания все большего роста и расцвета духа вашего.

Крепко жму руку А. Пешков»¹⁴

По всему видно было, что Горький и на далеком Капри пристально следил за ростом творческого таланта Брюсова.

Три года, прошедшие с выпуска «Tertia Vigilia» до появления «Urbi et Orbi», были годами упорной работы молодого Брюсова над своими взглядами на искусство, над определением своего отношения к окружающему миру, над приобрете-

нием больших и более глубоких знаний как в области истории и литературы, так и в области других смежных наук.

Брюсов погружается в изучение Пушкина. В 1903 г. выходят под его редакцией «Письма Пушкина и к Пушкину» — новые материалы. За время с 1901 по тот же 1903 г. в «Русском Архиве», в «Журнале Для Всех», в «Мире Искусства», в «Новом Пути» и в других периодических изданиях появляются отдельные стихотворения Брюсова, его переводы, его научные статьи и исследования, касающиеся и литературы, и искусства, и театра, и философских вопросов. Пушкин, Вяземский, Баратынский, Тютчев, Фет, Некрасов становятся объектами его изучения.

В 1904 г. начинается издание «Весов», в которых Брюсов принимает участие и как редактор, и как поэт, как беллетрист и критик и ведет там, поистине, гигантскую работу.

«Для меня это был год бури, водоворота, — пишет Брюсов в своем дневнике. — Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги «Stephanos». Кое-что вошло и в роман «Огненный ангел». Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова»¹⁵.

И как бы отзвуком всех этих дум и переживаний, как бы в ответ Горькому на когда-то сделанный им упрек Бунину, выливаются строфы брюсовского «Кинжала»:

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

В этом стихотворении, в этой как бы поэтической исповеди Брюсова, мы находим ответ самого поэта на то, почему и когда могут занимать его «Ассаргадоны» и «Клеопатры», а попутно с этим здесь он почти буквально повторяет слова, обращенные им к Горькому в феврале 1901 года:

«Его [весь строй нашей жизни, всей жизни] я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты о днях, когда все это будет сокрушено».

Среди различных планов, набросков, заметок, записей своих случайных мыслей и выписок чужих мыслей, сохранившихся в рукописях Брюсова, есть одна очень знаменательная цитата:

«Никогда я не верил, чтобы с каким-нибудь естественным или усовершенствованным дарованием можно было обойтись без усиленной и постоянной энергии, необходимой для достижения всякой цели; и жестоко ошибаются те, которые думают, что гений может сделать все без усиленного и настойчивого труда» (Диккенс, Давид Копперфильд, гл. XLII).

И Горький и Брюсов являются ярким подтверждением истинности этой мысли Диккенса: и Горький и Брюсов всей своей творческой жизнью доказали, что только постоянным трудом над собою можно достичь вершин истинного искусства.

Стоит только хотя бы беглым взглядом окинуть то, над чем и как трудился Горький; стоит только присмотреться хотя бы к перечню всего того, что оста-

лось в литературном наследии Брюсова, — и ясно станет, что оба они, при своей огромной одаренности, сделали все это благодаря усиленному и настойчивому труду.

Любовь к труду, глубокое сознание необходимости постоянного труда в жизни, сознание ответственности за взятые на себя обязанности — вот одно из многих звеньев, связывавших искренней симпатией этих двух больших людей и писателей.

Характерным образчиком такого отношения может служить хотя бы одно из писем Брюсова по поводу его редакторской работы над латышским сборником в издательстве «Парус», в котором непосредственное и ближайшее участие принимал Горький.

Говоря о том, что подбор стихотворений, сделанный издательством «Парус», не отражает истинной поэзии латышей, Брюсов, между прочим, пишет:

«Тут [при рассмотрении материала.— А. И.] дело не в том, что дан перевод подстрочный со всеми неизбежными при этом недоразумениями. Для сборника «Поэзия Армении» я получал также подстрочные переводы армянских стихов. Но сквозь грубую, нескладную речь подстрочника все же сквозила поэзия подлинника. Переводы же многих латышских стихотворений представляют собою безнадежное общее место: или бесцветные, совсем невыразительные рассуждения о вещах, всем известных, или самые избитые образы, разные сравнения и метафоры, набившие оскомину, уже ничего не говорящие читателю.

...Я не хочу сказать, что в присланном мне материале нет ничего хорошего. Безусловно есть... Исполняя данное мне Вашим издательством поручение, я, конечно, могу выбрать лучшее и позаботиться, чтобы это было переведено хорошо. Но я считаю, что, ограничиваясь этим, я не исполню своих обязанностей перед издательством и своего долга перед поэзией...

Для чего подобные создания переводить с чужого языка, — они столь же характерны для латышей, как для испанцев!..

Не то беда, что было переведено (подстрочно) много плохого, чем нельзя воспользоваться, а то, что, может быть, не было переведено не мало вещей, перевода заслуживающих. Из всего, что я слышал, что я знаю о поэзии латышей, я «догадываюсь» (не могу подобрать другого слова), что у латышских поэтов есть произведения более сильные, более яркие, более ценные, чем те, которые переведены и переводятся (по поручению издательства). Если моя догадка, мое предчувствие, — назовите, как хотите, — окажется справедливой, согласитесь, издательство будет не право перед латышской поэзией и перед своими читателями...

Я хорошо понимаю ответственность, которую беру на себя, написав это длинное письмо... Но, я уверен, Вы поймете, что побуждает меня к тому единственное желание сделать то дело, которое Вы мне поручили, насколько я могу лучше. Мне было бы очень легко ограничиться ролью переводчика и заведующего переводами стихов, но, по-моему, тогда я не исполнил бы того, что исполнить должен. Если Вы мне ответите, что я вступаю не в свою область, я, разумеется, не буду иметь, что Вам возразить, и охотно сложу с себя предложенное мне Вами «редакторство». Но я слишком люблю поэзию, чтобы не сказать издательству о тех сомнениях, которые во мне возникли. Мне было бы слишком горько, если бы сборник латышской поэзии, который мне поручено редактировать, представил бы ее более бледной, менее значительной, чем она есть на самом деле».

И издательство, душою которого был Горький, на это письмо Брюсова ответило благодарностью «за доброе его желание помочь делу и сделать сборник наиболее интересным».

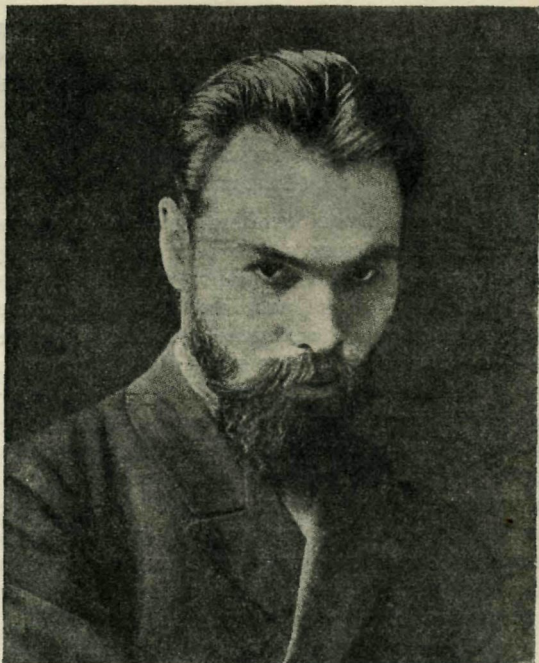
В декабре 1913 г. Горький вернулся из эмиграции в Россию. По воспоминаниям Иоанны Матвеевны, он посетил их в Москве в начале 1914 г.

«Это был первый визит Горького к Брюсову за все время их долгого зна-

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Фотография 1900 г.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

комства. Они встретились, как старые друзья. В отношениях Горького к Брюсову, что отражалось довольно ясно и в его письмах к Валерию Яковлевичу, всегда чувствовались искреннее к нему уважение и какая-то особая, я бы сказала, отеческая нежность. Хмурый на первый взгляд и казавшийся по виду даже суровым, Горький сделался обаятельным и почти нежным с первых же слов дружеской беседы.

Беседа, как мне помнится, шла вокруг вопросов современной поэзии. Незадолго до этого в «Русской Мысли» Брюсов опубликовал несколько статей-обзоров различных направлений в поэзии (акмеизм, имажинизм и др.), и теперь эти статьи были живой темой их разговора.

Насколько я понимала, Горького прельщали в Брюсове его большие теоретические познания в поэзии, и Алексей Максимович с чрезвычайной скромностью несколько раз оговаривался, что он считает себя профаном в этих «мудреных» вопросах.

Из кабинета перешли в столовую, где приготовлен был чай.

Сейчас же после чая Горький собрался уезжать, ему необходимо было быть по делам еще во многих местах, и, обещав побывать еще раз до отъезда в Финляндию, он уехал.

Своего обещания, однако, А. М. не сдержал и вторично посетил нас много-много лет спустя, в 1921 г., перед своим отъездом за границу»¹⁶.

С конца 1915 г. между Горьким и Брюсовым возобновляется деятельное литературное общение на почве сотрудничества Брюсова в издательстве «Парус».

В октябре Брюсову было предложено издательством взять на себя общее редактирование стихов латышского сборника, на что Брюсов и дал свое согласие. Несколько раньше был затеян армянский сборник, а в декабре того же года издательство снова просит Брюсова о принятии на себя редактирования уже и финского сборника, а также просит разрешить в январской книге издаваемого им журнала «Летопись» поместить переведенные Брюсовым стихи латышского поэта Рейниса.

Тогда же Горький шлет Брюсову предложение участвовать в сборнике «Евреи на Руси», предполагаемом к изданию «Русским обществом изучения жизни евреев»¹⁷, и, в ответ на уклончивое письмо Брюсова, Горький 17 декабря 1915 г. пишет ему из Петрограда:

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич!

Ваш полуотказ принять участие в сборнике «Евреи на Руси» — опечалил и встревожил меня; я так был уверен в добром вашем сочувствии этому делу, культурное значение которого мне кажется очень важным.

...Ваше участие положительно необходимо! Не подозревайте меня в желании поучать и подсказывать — я знаю свое место и всегда далек от таких желаний по отношению к людям — товарищам по работе на пользу русской культуры.

Но позвольте все-таки сказать вам, что вы, обладающий тонким и редким даром проникновения в прошлое, вы-то уж не можете говорить о незнакомии евреев, — вы знаете библию — сердце и ум народа. И вот, может быть, библия даст вам сюжет, тему достойные вашей работы?.. Там так много прекрасного и никем еще не использованного. Наконец — вы сами говорите, что, будучи в Варшаве, Лодзи и др. местах, видели, чувствовали нечто, — может быть вы дадите это? Еще раз говорю, — не думайте, Валерий Яковлевич, что я поучаю, — нет; но мне ваше участие кажется необходимым и мое упрямство понуждает меня тревожить вас.

Спасибо вам за ваше дружеское письмо. Жду другого, с утешительным ответом для меня и желаю всего всего хорошего.

А. Пешков¹⁸

В январе 1916 г. Горький, в связи с вопросом о создании новой газеты, был в Москве, но побывать у Брюсова не смог.

«Дорогой Валерий Яковлевич, — писал по этому поводу Горький 23 января, уже вернувшись в Петроград. — Виноват пред вами, я должен был и мне нужно было зайти к вам, но я так завертелся в Москве, что не успел сделать этого.

Искренно извиняюсь.

Вы столь необычно любезны по отношению ко мне лично и к «Парусу», что, поверьте! меня это глубоко трогает.

Крепко жму руку.

А. Пешков»¹⁹

В то же время «Парус» сообщает Брюсову, что если Брюсову удалось осуществить при помощи московских латышей, имеющих касательство к литературе, ту программу, о которой писал Брюсов, то можно будет считать поэтический отдел сборника законченным.

«За латышами — последуют финны, за финнами (если это Вас не устроит) — евреи и литовцы».

Литературная связь Брюсова с Горьким крепнет день за днем, и, кажется, всеми силами своей души Горький хочет еще больше укрепить ее. Весьма характерно, что все предложения, делаемые Брюсову через издательство «Парус», незаметно вызывают Брюсова на работу, носящую не только литературный, но и глубоко общественный характер.

В этом сказалась замечательная способность Горького видеть человека во всей его глубине, потому что в Брюсове, с первых дней знакомства и до последних дней, он видел не только поэта, не только литератора, не только человека с широким диапазоном знаний, но и человека-общественника, может быть, согласного и не со всеми взглядами и убеждениями Горького, как великого пролетарского художника и борца, но, во всяком случае, глубоко его понимающего и во многом сочувствующего ему.

Feb 1901. 2005. 2005.

King Philip's monument completed, and Mary
rejoicements upon. Yours & ever devoted King

Kunda om
Pescumorum, omni
Pescumorum, omni
Pescumorum, omni

1. *What is the purpose of the study?*
 2. *What is the research question?*
 3. *What is the hypothesis?*
 4. *What is the significance of the study?*
 5. *What is the scope of the study?*
 6. *What is the methodology?*
 7. *What are the results?*
 8. *What are the conclusions?*
 9. *What are the limitations?*
 10. *What are the future directions?*

в. при Александровск и при
и при Александровск и при

Des mes hommes. - Au campement, avec

[illegible]

all animals & most of the
invertebrates.

Hens regeligen we raams wyram, en fahant
 gahot, is wopshini. He mydam, ondanne

y. brachycephalus. 17 eam magna spem, et, hanc
 pro pecunie populi et la sapientia, multo
 apud non abis videret des, et videret
 a bona videret. La. Ho se videret la
 videret sua spem, multo et populi se
 videret. Des videret la sapientia, multa
 Ho videret et a y videret
 videret, et a y

David Brewster

B. De la Roche

PJ. W & C. Ill., Dec 26
no full air circulation,
norm. dryness.

Горький ясно сознавал культурно-общественную ценность в те годы издательства «Парус» и старался как можно крепче связать с ним Брюсова.

«Надеемся, — обращается к Брюсову в одном из писем издательство «Парус», — что наша совместная работа Вам еще не надоела и что Вы не откажете помочь нам в этом деле [выпуск «еврейского сборника». — А. И.], которому мы придаем большое культурное значение и которому Ваше участие придаст необходимый авторитет».

И, как бы подтверждая лично от себя слова, обращенные к Брюсову издательством, Горький в конце письма от 9 марта того же года говорит Валерию Яковлевичу:

«Боюсь, что это окажется не очень умно, но все-таки — сердечно хочется благодарить вас за добрую вашу помощь «Парусу».

Прошло не больше месяца, и в апреле «Парус» шлет Брюсову, помимо еврейского материала, редактирование которого принял на себя Брюсов, — еще и обширный украинский.

«Не удивляйтесь, Валерий Яковлевич, и простите, что мы, не спросивши Вашего согласия, сразу посылаем материал. Но мы надеемся, что Вы не откажетесь взять на себя редактирование и украинского нашего сборника, и вообще можете нам довести до конца всю серию наших сборников, работу — значение которой Вы, разумеется, учитываете не хуже нас; — без Вашего же участия, говорю прямо, нам с этой работой справиться невозможно».

Горький — в курсе всех дел, порученных «Парусом» Брюсову. Глубоко ценя отношение Валерия Яковлевича к этой работе, он, после того как Брюсов навестил его в Петрограде, просит передать Брюсову:

«Алексей Максимович очень благодарит Вас за внимание, шлет привет и извиняется, что болезнь и присутствие посторонних помешали ему выразить до конца чувства уважения и благодарности, которые он к Вам питает».

В конце августа 1916 г. Брюсов серьезно занемог.

В ответ на деловые письма и телеграммы, посылаемые Брюсову издательством «Парус», Иоанна Матвеевна отправила письмо, в котором извещала, что Валерий Яковлевич болен, находится в лечебнице и положение его здоровья внушает явную тревогу.

Письмо это в издательстве не было получено, и только 3 октября, из письма самого Брюсова от 16 сентября издательству стали известны действительные причины молчания Валерия Яковлевича.

«Очень извиняюсь, что ничего не зная о Вашем нездоровье — письмо Вашей супруги мы не получали) и относя задержку в ответе за счет почтовых и иных недоразумений, — мы беспокоили Вас письмами и телеграммами», — писали Брюсову из издательства.

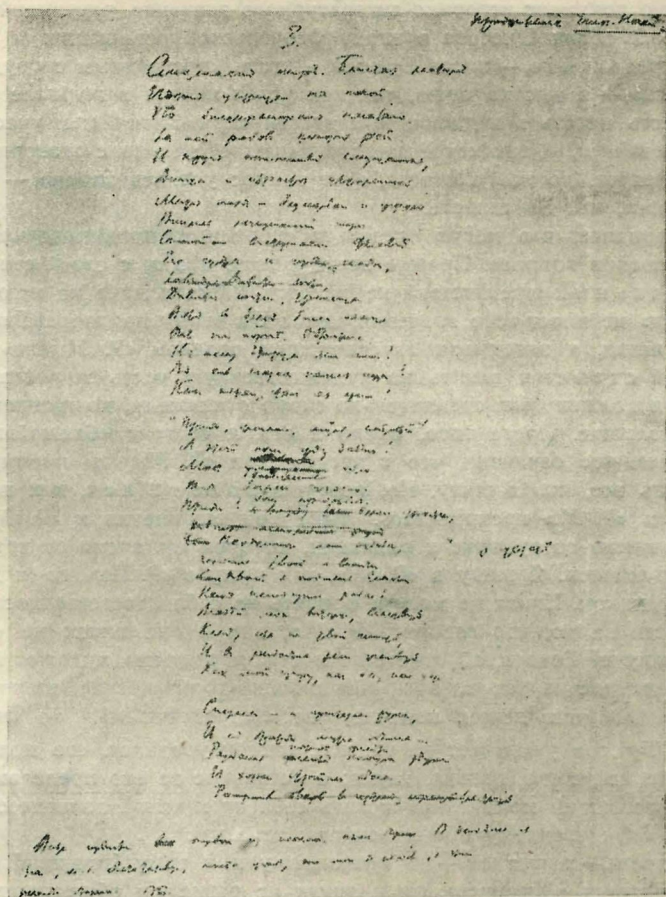
«Будем надеяться, что Вашим болезням и нашим беспокойствам — пришел конец, что все пойдет хорошо и мы наверстаем упущенное. И пожалуйста, не надо говорить никаких слов о «желательности» Вашего дальнейшего сотрудничества в «Парусе»! Я не могу Вам сказать, в какой степени для нас ценно и дорого ваше участие в нашем деле и как мы благодарны Вам за Ваше товарищеское, доброе отношение к нашим затеям. Думаю, что год совместной работы укрепил, а не расстроил наш случайный союз и что не внешним обстоятельствам, вроде болезни — нарушить нашу работу».

Переходя к планам совместной работы, издательство сообщает, что не только не мыслится без Брюсова дальнейшая работа в «Парусе», но желательно было бы расширить ее рамки и дальше, за пределы издательства в «Летопись».

«Нам было бы очень желательно, — пишут Брюсову из редакции «Летописи», — иметь Вас постоянным сотрудником журнала и не только в качестве поэта, но и литературного критика. До сих пор от более близких отношений

с Вами на этой почве нас удерживала — чтобы быть вполне откровенным — Ваша близость к «Русской Мысли» — журналу, с которым мы находимся в коренном принципиальном несогласии, — конечно, это обстоятельство остается, повидимому, в силе и по сие время, — но тем не менее год совместной с Вами работы дал нам смелость думать, что и у «Летописи» найдется с Вами не мало общего, особенно в области литературы и критики, и что союз наш в этой области был бы возможен и плодотворен.

Мы знаем, какое действенное участие принимал Горький во всех начинаниях «Паруса», знаем, откуда идут нити этих начинаний, их политическая устремлен-

СТРАНИЦА РУКОПИСИ ПОЭМЫ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
«ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ»

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

ность. Поэтому раскрытие сущности связи Брюсова с «Парусом», хотя бы и косвенными путями, через переписку не самого Горького с Брюсовым, а Брюсова с издательством, считаем необходимым в целях получения ценного историко-литературного и историко-общественного материала.

В свете современного отношения к Брюсову — поэту, историку, ученому, критику, литературоведу, к Брюсову-общественнику и, наконец, Брюсову-коммунисту, совершенно необходимы все материалы, которые помогают уяснить эту многогранную и колоритную фигуру.

Предложение стать постоянным сотрудником «Летописи» было для Брюсова,

по собственному признанию, «лестным», но в то же время и «неожиданным». Брюсов ответил на это предложение пространным письмом, говоря, что редакция «добрым своим приглашением» вызвала его «на целый «цикл» соображений и побудила к цепи разных предположений», которых лично он был чужд. «Если,— писал Брюсов,—Вы позволите мне принять à la lettre Ваше выражение: «нам («Летописи») было бы очень желательно иметь Вас постоянным сотрудником...», может быть мои соображения и предположения и не покажутся Вам лишними».

Письмо в части, касающейся отношения Брюсова к «Русской Мысли», представляет собою документ историко-литературного значения, рисующий общественно-политический облик Брюсова в эпоху Февральской революции.

«Ваше предложение,— писал Брюсов,— статью «постоянным сотрудником» Вашей «Летописи»,—я высоко ценю, так как успел многое в журнале полюбить и считаю за честь писать в издании, выходящем «при ближайшем участии» А[лексей] М[аксимовича]. Но, так как Ваше приглашение сделано с оговорками, мне кажется, что следует, до моего ответа, этот вопрос уяснить вполне, — «откровенно и без обиняков», как Вы пишете.

Вы предвидите, что могут оказаться «коренные, принципиальные» препятствия при решении вопроса. Прежде всего скажу, что я, с своей стороны, таких принципиальных препятствий не нахожу. Ваша ссылка на мою «близость» к «Рус. Мысли» не имеет того значения, какое Вы этому придаете. Действительно, 6 лет тому назад, я заведывал литературным отделом «Р. Мысли» и мог до некоторой степени влиять на художественную часть журнала. От такого заведывания я должен был сравнительно скоро отказаться, по причинам, которые вспоминать излишне. После того, около 2 лет, я состоял «ближайшим» сотрудником журнала, что означало, что я предоставил «Р. Мысли» преимущественное право печатать все, что я пишу. Но, вот уже более 2 лет, как и такая связь между мной и «Р. М.» прекратилась. Ныне мои отношения к «Р. М.» только—отношения давнего сотрудника к редакции, которой он, время от времени, предлагает свои рукописи. Я пишу в «Р. М.», как пишу в «Р. Вedom.» и др. изд., где состою сотрудником. Никак не могу я принять на себя ответственность или часть ответственности за то, что говорит «Р. М.», как и она никак не ответственна за то, что пишу я. Говоря об ответственности, я разумею художественно-критическое направление журнала, ибо общественно-политические взгляды «Р. М.» всегда были для меня делом, конечно, не «безразличным», но посторонним.

Дальше Брюсов указывает на то, что, как он убедился, его прямое и главное дело—это искусство, поэзия, наука; а остальное за его пределами, и что он не может в настоящий момент причислить себя ни к какой политической партии, ни к какому определенному общественному течению.

«В частности,— пишет он,—не принадлежу и к тому [течению] коего представителем является «Летопись», но и никак не разделяю общественно-политические взгляды, характерные для «Р. Мысли». Я в этом отношении (как во многих др.)—«сам по себе», per se, как говорит Данте.

Итак, ни в моей внешней связи с «Р. М.», ни в моих «внутренних» отношениях к ней я лично «принципиальных препятствий» не вижу. Скорее могут они быть со стороны «Летописи», которая естественно может желать, чтобы ее сотрудники примыкали активно к ее общественному credo. Сознаюсь, я до сих пор так и думал, почему Ваше предложение явилось для меня неожиданным. Но полагаю, что мои взгляды были Вам, в общих чертах, известны, так что, обращаясь ко мне, Вы предрешили этот вопрос. (Если нет, поверьте, я ни на минуту не почту себя в праве сетовать на Вас и буду считать наши переговоры как бы не бывшими).

Ответ Брюсова был принят «Летописью», как согласие Валерия Яковлевича стать постоянным сотрудником журнала.

«С нетерпением ждем Ваших статей,— писала редакция.— Конечно, будучи

эгоистами своего дела, а можно ли вести дело иначе, — мы будем ревновать Вас к другим изданиям, но об этом, разумеется, говорить еще рано.

Если у Вас имеются готовые статьи — пришлите их как можно скорее, если нет готовых, сообщите, когда, примерно, можно их ожидать.

Осенью 1916 г. появился в свет сборник «Поэзия Армении», — с древнейших времен до наших дней, — под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова (издание Московского армянского комитета).

Расстояние
Марса от Земли
в 60 млн 100 тысяч км
60 млн км в 60 млн
1 км в 900
или $1.000.000 : 24 = 741.666$ км
в год
 242.000 км в год =
 $42.000 : 60 = 7622$ км
в минуту
Нужно узнать, что значит
Марс в 60 млн
625 км в минуту
в 120 м = 7300 км в минуту
в 4 месяца по 312 км в минуту
менее 4 месяцев по 325 км в минуту

ЧЕРНОВАЯ ЗАПИСЬ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: ВЫЧИСЛЕНИЕ
РАСТОЯНИЯ ОТ МАРСА ДО ЗЕМЛИ, 1922 — 1923 гг.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Появление этой книги было большим литературным событием. «Ваш великодушный «Армянский сборник» — возбудил... чувство зависти и желание добиться такой же художественной высоты в наших сборниках», — писали Брюсову из издательства «Парус» в ноябре 1916 г.

В это же время в издательстве «Парус», по инициативе Брюсова, возникает мысль об издании Собрания сочинений Верхарна.

«Вы пишете, что всецело заняты Верхарном. — Мы — тоже. У нас мысли о Верхарне выливаются в намерение издать полное собрание его сочинений. Но, разумеется, мы не мыслим этой работы без Вашего ближайшего участия.

А отсюда — просьба к Вам — высказаться, как Вы на этот счет думаете, возможно, нужно ли это сделать и согласитесь ли Вы взять на себя редакцию всего издания?» — писало Брюсову издательство 1 декабря 1916 года.

Брюсов сейчас же шлет проект издания в двух вариантах, и издательство останавливается на более полном — восьмитомном издании, а в то же время запрашивает у Брюсова более подробные доводы и в пользу шеститомного издания.

Одновременно с этим у издательства возникает мысль выпускать, начиная с 1917 г., периодические сборники, посвященные текущей художественной литературе, как русской, так и иностранной. Брюсов приглашается в это дело, которое «организуется при ближайшем участии и руководстве М. Горького».

Связь Брюсова с издательством становится все ближе и крепнет с каждым днем. Крепнет и непосредственная общественно-литературная связь Брюсова с самим Горьким. В январе Горький, от себя лично и по поручению комитета «Русского общества изучения жизни евреев», обращается с просьбой к Брюсову взять на себя организацию по созданию ряда книжек на темы библейских романов и легенд.

«У Вас широкое знакомство с литературной молодежью, — писал Горький, — раздайте им, по вашему выбору, темы, проредактируйте их труды и давайте нам...

Я вас очень прошу взяться за это дело! З. И. Гржебин рассказал мне о прекрасном и трогательном отношении вашем к «Парусу» и хотя я и прежде не сомневался в этом, знал и чувствовал это, — а все же еще раз обрадовали вы меня!

Очень хочется работать с вами много и долго, и — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе более деятельного чем вы. Превосходный вы работник!»²⁰.

Горький пристально следит за творческой работой Брюсова. Его добрые отзывы об этой работе — не комплименты: Горький слишком хорошо знал, высоко ценил Брюсова и никогда в отношениях к нему не допускал никакой притворности, да этого и вообще не было в натуре Горького.

Когда же приходилось Горькому судить о поэтическом творчестве Брюсова, Горький в своих высказываниях всегда как-то особенно подчеркивал основательные знания Брюсова в этой области и всегда с необычайной скромностью касался этих вопросов, считая себя в них профаном.

«Прочитал «Египетские ночи». Если вам интересно мнение профана в поэзии — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и вы — поэт божьей милостию, что бы не говорили и не писали люди «умственные»»²¹.

Конец февраля ознаменовался огромным событием — совершился февральский переворот. В марте Брюсов получает от издательства «Парус» еще новое предложение — участвовать в газете «Новая Жизнь», которая должна была выходить в свет с конца марта под редакцией М. Горького.

Издательство просило всяческого участия Брюсова в этой большой литературно-политической газете социал-демократической платформы и предоставляло ему «самое широкое участие в отделе литературной и поэтической критики». «Само собой разумеется, что мы ждем от Вас также и Ваших стихов и Вашей прозы. Особенно ценно получить от Вас стихи на тему современных событий, они бы так украсили первые номера газеты и «Летописи».

Не получая долго ответа Брюсова на это предложение, редакция «Летописи» 6 апреля снова пишет ему:

«Год совместных усилий породил в нас надежду, что нас связывает с Вами не только формальное, внешнее, но и нечто внутренне-душевное, не только литературное сотрудничество — но и сердечное, — человеческая симпатия. Так, по крайней мере, думаем все мы — люди из «Паруса». И если Вы телеграфируете

о том, что готовы пойти во всякое дело, затеваемое нами, то можно на это ответить, что мы ни в одно дело не пойдем, не пригласив Вас с собою».

В частности, вопрос опять касался участия Брюсова в газете «Новая Жизнь», которая, не выпущенная в марте, тогда предполагалась к выходу во второй половине апреля.

«Итак, поприще нашей совместной работы, как видите, расширяется с каждым днем, а чтобы осилить эту работу, надо встать теснее, дружнее, рука об руку...».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА
Д. Б. БРЮСОВ

Максиму Горькому в июле 1917 года
Сонет.

Но в сердце рожь лет надвигалась злая,
Вся тесна была безмятежная зима,
И томил она, подвигаясь к нам,
Заставляя думать нас о будущем.

Но как-то в этот день в Москве
Вспыхнула искра, и вмиг
На бранях войны мы не знали страха,
Защитники и борющиеся враги.

И тогда мы, друзья, встали в ряд,
Мы тогда, забывши страх и распри,
С нами была и наша «Новая Жизнь».

И тогда же в этот день
Вспыхнула искра, и вмиг
На бранях войны мы не знали страха,
Защитники и борющиеся враги.

1917 г.

Друзьям: Мария Седук, Анна
нашлись приятели — Андрей и др.
Вспыхнула искра «Новая Жизнь» —
(Сонет из книги)

П. М. Брюсов

АВТОГРАФ СОНЕТА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «МАКСИМУ
ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 г.»

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Только 25 апреля Брюсов, в то время всецело поглощенный планами об издании «Парусом» собрания своих сочинений в десяти томах (затейного вновь-после «катастрофы» с изданием «Сириша»), отвечает на предложение об участии в «Новой Жизни»: «...Наконец,—«Новая Жизнь»... Может быть, мое откровенное признание покажется не безразличным для редакции «Новой Жизни». Такие боевые органы должны собирать сотрудников-единомышленников, а я не вижу, что могу бы я дать газете в ее духе. Кажется, и посланные мною стихи и те, которые остались у меня в запасе, внесут на столбцы газеты диссонанс. Отдела же литературного в газете пока нет, и чем я могу быть ей полезен, я пока не знаю...».

В том же письме Брюсов пишет, что он «и фактически и мысленно связал,

во многом, свою жизнь и судьбу с «Парусом» и «Летописью». Мне поэтому крайне необходимо и установить точно свои к ним отношения и сохранить с Вами постоянную связь».

В ответ на сомнения Брюсова, высказанные в этом письме, а также и в письме при отсылке материалов, редакция «Паруса» настойчиво повторяла, что для «Новой Жизни» сотрудничество Брюсова больше чем желательно, оно необходимо. «Пока мы получили всего лишь несколько стихотворений, из них наиболее подходящее для газеты бесспорно «Тридцатый месяц». Ваше желание не печатать это прекрасное стихотворение глубоко нас огорчило, а Ваши опасения кажутся неубедительными. Очень важно, чтобы именно Вы сказали то, что сказано в «Тридцатом месяце», и сказано так, как еще до сих пор никому не удавалось в поэзии.

Поэтому мы очень просим Вас разрешить нам напечатать стихотворение за Вашей подписью».

И под стихотворением, клеймящим империализм и империалистическую войну, стихотворением, в котором гневно звучали строфы:

Тридцатый месяц, Смерть и Голод,
Бредя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто молод,
Детей в объятьях матерей!

Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд — порабощен:
Он роет для войны окопы,
Для смерти льет снаряды он!

О, горе! Будет! Будет! Будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...

под этим стихотворением была напечатана полностью подпись — «Валерий Брюсов»...

Горький не скрывал своей близости к большевикам на страницах редактируемой им газеты «Новая Жизнь» и смело высказывал свое положительное отношение к «пораженчеству». Это вызвало бешеный вой буржуазной печати. И в разгар разъяренной травли Горького Брюсов, в июле 1917 г., пишет ему:

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА

В ** громили памятник Пушкина;
в ** артисты отказались играть «На дне».
(Газетное сообщение 1917 г.)

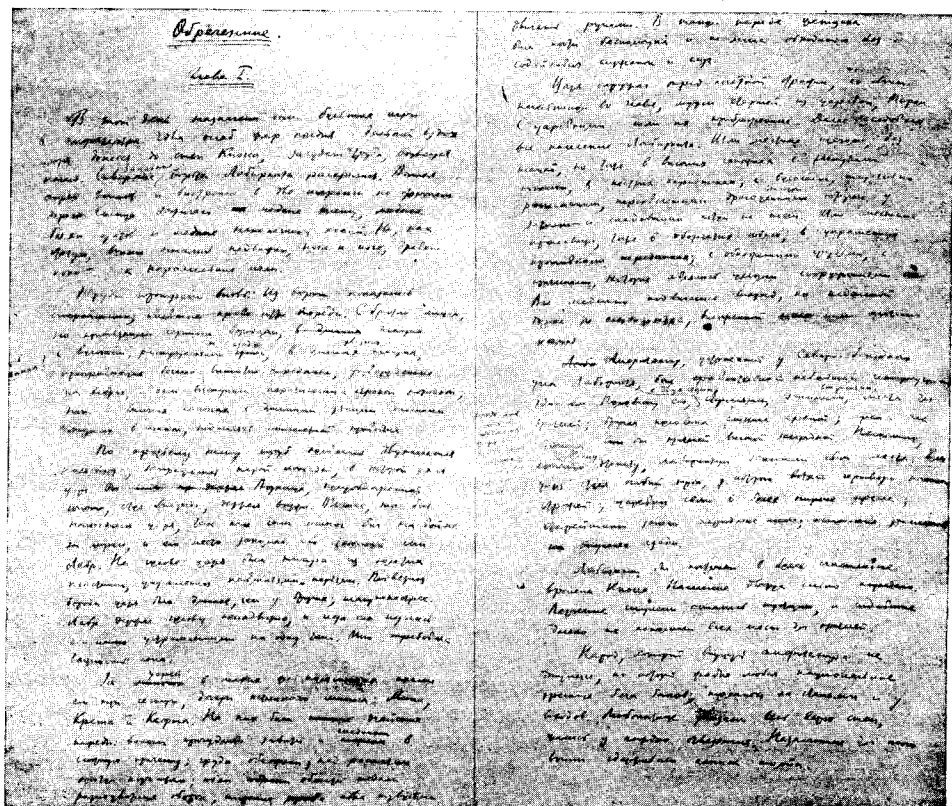
Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подбегая буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменен в новых бурях света
Его спокойный и прекрасный лик:
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий,—
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И только образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямые,
Стоят над нами в ясной вышине²².

Сонет был послан Горькому. Горький отвечал Брюсову:

ПЕРВЫЕ ДВЕ СТРАНИЦЫ РУКОПИСИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «ОБРЕЧЕННЫЕ»

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич,—редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня ваше дружеское письмо и милый ваш сонет.

Спасибо вам. Вы—первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия и,—совершенно искренно говорю вам,—я хотел бы, чтоб вы остались и единственным. Не сумею объяснить вам почему мне хочется, чтоб было так, но—вы можете верить—я горжусь, что именно **Вы** прислали мне славное письмо. Мы с вами редко встречались, вы мало знаете меня и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений.

Тем лучше.—Вы поймете это,—тем ценнее для меня ваше письмо. Спасибо. Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей

культурной работой и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; это — искренно.

Будьте здоровы, Валерий Яковлевич, и всего доброго!

А. Петшков²³.

Месяца за три до этой переписки Брюсов был назначен комиссаром по регистрации печати.

«Товарищи избрали меня Председателем этого Комиссариата и я целые дни возился с архивами цензуры и с бывшими цензорами, — народом, кстати сказать, весьма беспокойным...», — сообщал Брюсов в письме в редакцию «Летописи» от 25 апреля.

Таким образом, Брюсов опять приобщился к организационно-общественной работе, с которой он, несмотря на свои признания, что не призван к ней, постоянно был связан.

Эта новая работа отнимала у Брюсова много времени, но, тем не менее, необычайная способность быстро работать позволяла Брюсову осуществлять и свои творческие замыслы.

Однако, на ряду с этим, уже остро вставал вопрос о том, где печатать эти произведения.

В связи с политическими событиями и общей разрухой в стране, все более и более затруднительной становилась деятельность издательства «Парус».

В декабре 1917 г. стало очевидным, что «Летопись» должна закончить свое существование, о чем и Брюсов и издательство искренно скорбели: «Много положено в нее [в «Летопись»] сил и надежд, — но делать нечего, продолжать ее нет возможности».

Взамен журнала было предположено выпускать литературные альманахи, в которых, конечно, было предложено Брюсову принять участие.

Газета «Новая Жизнь» еще продолжала выходить, и редакция попрежнему просила Брюсова давать в нее, кроме стихов, и литературно-критические очерки, весьма необходимые для газеты.

Горький за последнее время часто прихварывал, но никогда не упускал случая послать Брюсову привет.

В марте 1918 г. кончила свое существование и «Новая Жизнь», а во второй половине того же года Горький учреждает при Комиссариате народного просвещения издательство «Всемирная литература».

Издательство имело в виду, главным образом, новый круг читателей, которому надо дать по возможности лучшие, хотя бы и общеизвестные, произведения иностранных авторов, с таким расчетом, чтобы впоследствии составила библиотека классиков, пригодная не только для чтения, но и как руководство для изучения литературы в учебных заведениях.

И Брюсов в первую очередь был привлечен к этой работе.

Редакция надеялась, что, несмотря на перегруженность работой, он все-таки найдет возможным уделить должное внимание этому новому культурно-полезному делу.

В 1921 г. Горький, по настоянию Ленина, выехал за границу. Проездом, в Москве, он посетил Брюсова.

«Брюсов, — вспоминает Иоанна Матвеевна, — в эти годы перегруженный общественной, научной и преподавательской работой, находил все же время заниматься и литературой. Можно сказать даже, что его творческой энергии в эти дни не было предела.

Фауст, Энеида, стихи «Девятая Камека», огромная по замыслу книга «Сны Человечества», сборники «Последние мечты», «В такие дни», «Светоч мысли» (Второй венок сонетов), «Опыты», «Наука о стихе», редактирование Пушкина, наконец, сотрудничество в журнале «Печать и Революция» и во многих других

журналах — все это было на протяжении 1917—1921 гг. А рядом с этим — задуманные Брюсовым исторические романы — «Юпитер поверженный», продолжение «Алтаря победы», «Обреченные» и множество других замыслов заставляли Брюсова погружаться в изучение тех эпох, в которые разворачивались события этих исторических романов и очерков.

Дело было под вечер. Брюсов, обложенный книгами, занимался в своем большом, в то время плохо отапливаемом кабинете.

Звонок. Прибегает ко мне Анна Осиповна²⁴ и сообщает, что приехал к нам Горький. Встречаю его в передней. Валерий Яковлевич выходит навстречу из кабинета.

«Извините... я уж так, без предупреждения... Проститься приехал...» — говорит Алексей Максимович, радушно улыбаясь.

Быстро входит в кабинет.

И с какой-то, поразившей меня, молниеносной быстротой, едва окинув взглядом альбомы, разложенные на письменном столе Валерия Яковлевича:

«Кносские древности изучаете, — говорит Алексей Максимович. — Это — я знаю... Я видел все это на месте из последних раскопок... Весьма, весьма замечательные вещи... Там я купил, и дал даже весьма изрядную сумму, — улыбаясь, продолжал Горький, — одну из подлинных статуэток. Вот совсем — как эта, — он указал на один из снимков в альбоме. — Стоит она у меня сейчас на камине в моей петроградской квартире...».

И он начал разговор с Валерием Яковлевичем о кносских древностях, как человек, глубоко знающий этот предмет, как ученый — в буквальном смысле этого слова.

Я была поражена этой речью Горького. Он показался мне каким-то сказочным чародеем.

В разговоре Валерий Яковлевич, между прочим, объяснил Горькому, что задумал повесть «Обреченные», действие которой происходит в эпоху Кносса.

За беседой о литературе мы Алексея Максимовича угощали чаем, тут же, в кабинете, в одном из уголков которого была уставлена гостиная мебель.

Это была последняя встреча Горького с Брюсовым. Кажется, после нее не было между ними и переписки.

Только позднее, по возвращении своем в Москву, Горький ласково принял меня у себя в доме на М.-Никитской и, крепко-крепко пожимая мою руку, повторил мне почти дословно одну из фраз, с которыми обращался так часто к Валерию Яковлевичу:

«Превосходный был работник! культурный был человек он!». И, помолчав немного, прибавил с грустью: «Как жаль, что нет его с нами теперь!»²⁵.

В настоящей работе мы не ставили перед собою задачи охватить историю взаимоотношений Горького и Брюсова во всем их объеме. Оба художника примыкали к противоположным направлениям русской литературы начала нашего века, находившимся в состоянии самого глубокого антагонизма. Пути идейно-творческого развития каждого из них отнюдь не были параллельны и иногда расходились очень резко. Это обстоятельство нашло определенное отражение и в истории их личных связей, стоявших здесь в центре нашего внимания. Но характерно, что при всей глубине этих расхождений Брюсов, в конце концов, приходит к Горькому, оказывается по одну сторону баррикад с ним, отдает все свои силы и свою неиссякаемую энергию на службу делу социализма. Материалы, объединенные в настоящей работе, еще раз, на наш взгляд, показывают, что этот приход не был случайностью, не был результатом мгновенного переорождения, что в литературном поведении Брюсова с самого начала были заложены какие-то элементы, предопределившие тот поворот его писательского пути, которым завершились его многолетние идейные и художественные искания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Брюсов В., Дневники 1891—1900, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1927, стр. 91.
- ² Письмо Горького Брюсову, 1917, П.,—«Печать и Революция», 1928, кн. V, стр. 91.
- ³ Брюсов В., Дневники 1891—1900, стр. 94.
- ⁴ Бартенев Петр Иванович—издатель «Русского Архива», см. Брюсов В., За моим окном.
- ⁵ Брюсов В., *Tertia Vigilia*. Книга новых стихов, «Скорпион», М., 1900.
- ⁶ «Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова»,—«Нижегородский Листок», 1900, № 313, от 14 ноября.
- ⁷ Письмо Брюсова Горькому; публикуется впервые с черновика, хранящегося в архиве Брюсова. Даты нет.
- ⁸ Письмо Горького Брюсову, 1900,—«Печ. и Рев.», 1928, кн. V, стр. 55.
- ⁹ Письмо Горького Брюсову, 1901,—там же, стр. 56.
- ¹⁰ Письмо Горького Брюсову, 1901,—там же, стр. 56—57.
- ¹¹ Письмо Брюсова Горькому, 1901; публикуется с черновика, хранящегося в архиве Брюсова.
- ¹² Груздев И. А., Максим Горький, Л., 1925.
- ¹³ Из «Воспоминаний И. М. Брюсовой»; публикуется впервые.
- ¹⁴ Письмо Горького Брюсову, 1908,—«Печ. и Рев.», 1928, кн. V, стр. 57.
- ¹⁵ Брюсов В., Дневники, стр. 136.
- ¹⁶ Из «Воспоминаний И. М. Брюсовой»; публикуется впервые.
- ¹⁷ Письмо Горького Брюсову, 1915,—«Печ. и Рев.», 1928, кн. V, стр. 57.
- ¹⁸ Письмо Горького Брюсову,—там же, стр. 58.
- ¹⁹ Письмо Горького Брюсову 23 января 1916 г., там же, стр. 58—59.
- ²⁰ Письмо Горького Брюсову 23 февраля 1917 г.,—«Печ. и Рев.», 1928, кн. V, стр. 60.
- ²¹ Там же.
- ²² Сонет Горькому напечатан—Валерий Брюсов, *Последние мечты*, 1918.
- ²³ Письмо Горького Брюсову, 1917,—«Печ. и Рев.», 1928, кн. V, стр. 60—61.
- ²⁴ Обручникова Анна Осиповна—домашняя работница Брюсовых, живущая у них почти со дня женитьбы Валерия Яковлевича—с 1898 г.
- ²⁵ Из «Воспоминаний И. М. Брюсовой»; публикуется впервые.